

МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА ГУЛЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; старший преподаватель кафедры международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
mangul@mail.ru

РУССКОЕ И СОВЕТСКОЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ШАНХАЙСКОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА «ШИДАЙ МАНЬХУА» (1934–1937 годы)*

Рассматривается образ СССР и русских в одном из самых известных иллюстрированных журналов Китайской Республики «Шидай маньхуа». Клише и стереотипы, бытовавшие в китайском обществе по отношению к соседней стране и ее населению в период непростых двусторонних отношений накануне Второй мировой войны, были откликом на события в СССР, в мире и в самом Китае. Публикации журнала «Шидай маньхуа» показывают, что в действиях Советского государства рассматривалось как пример для подражания, а что – как угроза. Существенно, что в 1920–1930-е годы ряд городов Китая стал пристанищем для белоэмигрантов, которые также фигурировали на страницах журнала. Это позволяет сопоставить восприятие Советской России с изображением русских, оказавшихся за ее пределами. Анализ журнальных публикаций показывает, что СССР чаще представлялся опасным соседом, а не надежным союзником, а жизнь советских граждан виделась смутно и не ассоциировалась с поведением русских переселенцев в китайских городах.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, «Шидай маньхуа», карикатура, маньхуа, советско-китайские отношения, русская эмиграция

Преломление образа соседней страны в новостной прессе, с одной стороны, отражает важные события в межгосударственных отношениях, а с другой – становится частью стереотипов, бытующих в обществе. Это, несомненно, проявляется в большой степени в визуальных материалах: фотографиях, зарисовках, особенно в карикатуре. С этой точки зрения изучение иллюстрированных журналов дает много информации о взаимном восприятии в период массового распространения прессы до появления телевидения.

Китайское общество 1930-х годов с интересом следило за мировыми тенденциями, и Советский Союз был одним из объектов этого внимания. При этом советско-китайские отношения в эти годы были весьма непростыми, что накладывало отпечаток на образ России в Китае.

Журнал «Шидай маньхуа» 時代漫畫 (ШМ) издавался на частные средства в Шанхае с января 1934 по июнь 1937 года. Название журнала дословно можно перевести как «Зарисовки времени» или «Современная карикатура». Его стилистика и содержание формировались под влиянием времени и места: противоречивые политические и военные события в Китайской Республике задавали общую повестку, тогда как развитие специфической культурной жизни Шанхая сказывалось на формах, которые принимали журнальные материалы. На эту пору пришелся расцвет многих визуальных жанров: кинематографа, реклам-

ного плаката, фотографии и иллюстрированного журнала, которые пользовались огромной популярностью в Шанхае, распространяясь оттуда по всей стране. Джон Креспи, изучающий художественную жизнь Китая XX века, назвал 1930-е годы «золотой эпохой искусства карикатуры (cartoon art. – М. Г.)», а журнал «ШМ» – «главным украшением» этого периода [4]. Существование журнала стало возможным благодаря совместным усилиям заметных литераторов и художников Шанхая: его основателем был известный поэт и издатель Шао Сюньмэй 邵洵美 (1906–1968), главным редактором – выдающийся рисовальщик Лу Шаофэй 魯少飛 (1903–1995), а к числу карикатуристов, работавших для журнала, относятся братья Чжан Гуаньюй 張光宇 (1900–1965), Чжан Чжэньюй 張正宇 (первоначально Чжан Чжэньюй 張振宇, 1904–1976) и Цао Ханьмэй 曹涵美 (1902–1975), Е Цяньюй 葉淺予 (1907–1995), Хуа Цзюньхуа 華君武 (1915–2010) и многие другие. Журнал издавался сравнительно недолго, хотя среди своих конкурентов он был несомненным долгожителем: большинство иллюстрированных журналов в Китайской Республике ограничилось несколькими выпусками, выходящими в течение года-двух. Еще важнее, что «ШМ» можно назвать репрезентативной коллекцией карикатур и иных развлекательных материалов своего времени. Панорама социальных, внутрисполитических и международных вопросов, созданная

художниками и репортерами «ШМ», позволяет реконструировать многие аспекты повседневной жизни и главных забот китайского социума того времени.

Журнал выходил один раз в месяц, в каждом выпуске было 35–46 страниц. Публиковались разнообразные рисунки и фотографии, а также новостные сводки (зачастую с сатирическими и юмористическими комментариями), фельетоны, рассказы, поэтические произведения и образцы фольклора, а также главы классического любовного романа «Цзинь, пин, мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» с иллюстрациями Цао Ханьмэя. Тематика текстов и рисунков широко варьировалась, включая как политические проблемы, так и сообщения о личной жизни знаменитостей и о спортивных, культурных и других мероприятиях. В целом содержание журнала было нацелено на развлечение публики, хотя идейно-воспитательные и просветительские цели также звучали из уст его владельца (см. [3: 57]). Определенная смелость сотрудников журнала подтверждается тем, что весной 1936 года цензурные органы Национального правительства страны отозвали разрешение на публикацию «ШМ» в связи с появлением на обложке карикатуры на китайского посла в Японии Сюй Шиина 許世英 (1873–1964) [3: 258], [5: 37]. После трехмесячного перерыва журнал возобновил работу, которая была вновь (и уже окончательно) прекращена в связи с наступлением японских войск и захватом Шанхая в июле 1937 года. Таким образом, всего свет увидели 39 выпусков «ШМ».

Цель данной статьи заключается в том, чтобы восстановить образ «советского» и «русского» – государства, людей, искусства и пр. – в материалах журнала «ШМ». Необходимо иметь в виду, что отношения между СССР и гоминьдановским Китаем в 1934–1937 годах были лучше, чем в конце 1920-х – начале 1930-х годов, когда сначала было прекращено сотрудничество между партией Гоминьдан и китайскими коммунистами, а затем произошел вооруженный конфликт между Китаем и СССР на КВЖД. Отношения между двумя странами были восстановлены в 1932 году, но все же оставались настороженными. Кроме того, «ШМ» не имел ярко выраженных левых или правых политических ориентиров, и, хотя отдельные репортеры и карикатуристы придерживались собственных взглядов, в журнале эти взгляды отражались в сдержанной форме по причинам уже упоминавшейся цензуры и коммерческих интересов. Это накладывало определенный отпечаток на сообщения о Советской России.

Основными словами и словосочетаниями, недвусмысленно указывавшими, что речь идет о Советском Союзе, являются варианты «Советская Россия» *Суэ* 蘇俄 (вместе или каждый иероглиф по отдельности), «Россия» *Эго* 俄國 или *Элосы* 俄羅斯, «Советский Союз» *Сулянь* 蘇聯, а

также Москва *Мосыкэ* 莫斯科 или лично Иосиф Сталин (*Сытайлинь* 斯大林 и *Шиданьлинь* 史丹林). Кроме того, в основном синонимичным «Советскому Союзу» было слово «большевики» (*баоэрсивэйкэ чжэуичжэ* 鮑爾希維克主義者 и *бу-эрсайвэйкэ* 布爾塞維克). К СССР мог относиться термин «красный» *чи* 赤, хотя так могли называться и китайские коммунисты или вещи, вовсе не связанные с политикой. Кроме того, Россия ассоциировалась с некоторыми представителями искусства: писателями Л. Толстым, Ф. Достоевским, М. Горьким, карикатуристом Б. Ефимовым. В рисунках для обозначения СССР использовались его государственные символы или портрет Сталина, ставшего персонификацией Страны Советов. Любопытно, что в собственных карикатурах «ШМ» Россия не изображалась в виде медведя, хотя в западной традиции, у которой китайские рисовальщики заимствовали многое, такая анималистическая символика к первой половине XX века уже устоялась [2].

Особую категорию в публикации журнала, связанных с «русской» тематикой, составляли материалы о «белых русских» *байэ* 白俄, то есть эмигрантах, бежавших из России и оказавшихся в Китае (для авторов и читателей «ШМ» – в первую очередь в Шанхае). При этом можно с уверенностью говорить, что в 1930-е годы под словом *байэ* понимались именно белоэмигранты, а не белорусы, как в сегодняшнем китайском языке – по крайней мере, в публикациях «ШМ» и других современных ему журналах и газетах речь шла именно о бывших подданных Российской империи. Независимо от действительной национальности все эмигранты из России назывались либо «белыми русскими», либо диалектным шанхайским словом *лосун* 羅宋. Жизнь белоэмигрантов в Шанхае протекала в тесном соседстве с местным китайским и иностранным населением, что, безусловно, влияло на восприятие всего «русского» в Китае, поэтому, говоря об изображении России в «ШМ», необходимо обращаться и к сюжетам о белоэмигрантах, хотя с Россией как государством они в журнале не ассоциировались.

Сравнительно короткое время, в течение которого выходил «ШМ», не позволяет сделать выводов об эволюции образа «советского» и «русского», но по публикациям журнала все же могут быть отслежены некоторые особенности того, каким был этот образ в Китае середины 1930-х годов. За три с половиной года своего существования «ШМ» опубликовал более 70 текстов и рисунков, упоминавших СССР или русских; иначе говоря, отсылки к ним фигурировали не менее одного раза почти в каждом выпуске (только в пяти номерах упоминания «советского» и «русского» найдены не были). Из этих 70 случаев 55 затрагивали советскую политическую, экономическую, дипломатическую деятельность и иные государственные вопросы, тогда как белоэмиг-

рантской жизни коснулись лишь 14 публикаций. Всего в двух случаях присутствуют отсылки к дореволюционной России, в одном речь идет о знаменитых деятелях искусства, среди которых упомянуты Толстой и Достоевский¹, а в другом мимоходом сообщается, что Марк Твен выражал одобрение русским революционерам в их борьбе против царя². Также не менее 9 раз персонально упомянут Сталин. Кроме него, из советских политических деятелей поименно названы Карл Радек, Максим Литвинов и Константин Юренев, но они фигурируют гораздо реже Сталина (на них троих приходится всего 10 упоминаний в общей сложности).

Основную часть сюжетов можно разделить на четыре группы: советские дипломатические мероприятия, внутренняя политика Москвы, русское искусство и белоэмигранты в Китае.

Советская дипломатия и положение СССР на международной арене занимают первое место по количеству упоминаний в журнале: по меньшей мере 30 заметок и иллюстраций связаны с этой темой. Она включает участие СССР в двусторонних отношениях с Китаем, Японией и Германией, а также многосторонние контакты с Западом (Лига Наций и совещания по разоружению). К этой же группе можно относить и сообщения о Красной армии в сравнении с вооруженными силами других государств. Упоминаний о противостоянии СССР с капиталистическими странами отмечено не было, хотя есть отсылки к недоверию и враждебности между мировыми державами, в том числе намеки на коварство советских дипломатов (равно как и представителей других стран) и предсказания конфликта мирового масштаба.

В первом выпуске «ШМ» был опубликован большой пятичастный рисунок, изображавший главных актеров мирового «балагана», держащих «вывески»³. Рядом с Теодором Рузвельтом (sic! в действительности речь шла о Франклине Делано Рузвельте) была нарисована табличка «Закон о восстановлении промышленности», около Бенито Муссолини – «Фашисты», возле Адольфа Гитлера – «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия», в руках у Сталина – «Союз Советских Социалистических Республик», а у гораздо меньшей по росту фигурки японского премьер-министра Араки Садао 荒木貞夫 оказался значок «Дефицит». Кроме табличек, около каждого были помещены эмблемы партий и политических программ (орел для закона о восстановлении промышленности, фасции и свастика для двух фашистских партий, серп, молот и звезда для СССР – и только у главы японского правительства эмблемы нет). Все персонажи изображены с определенной долей правдоподобия, хотя и с элементами карикатурного портрета. Ко всем пяти лидерам были приведены словесные комментарии, информативные и насмешливые

одновременно. Общее заключение к иллюстрациям гласило:

Умные Муссолини, Гитлер, Рузвельт, Сталин и прочие родом кто из журналистов, кто из художников, кто из юристов, кто из редакторов, все они умеют писать и говорить, тем самым добиваясь твоего послушания. «Что? Есть неразрешимые трудности? Не верь. Я приму решение, следуй за мной, я выход найду!»⁴

В комментариях к портретам фактологические сведения перемежались с сомнениями в рациональности предлагаемых программ. Пояснялось, что обращение нацистов к свастике – это попытка доказать древность германской цивилизации, что псевдоним «Сталин» связан с желанием советского вождя похвастаться своей «железной хваткой», а закон о промышленном восстановлении нацелен на возрождение американской экономики, которая «много лет находится в упадке»⁵. В комментарии к названию Советского государства сказано, что «в политическом устройстве [СССР] есть ГПУ», которое расследует «контрреволюционные действия» и «не позволяет людям испортить планы по государственному строительству»⁶. Экономический и политический кризис в Японии вызвал не менее ироничные замечания, а упоминания итальянских и американских дел хотя и не содержали явно неодобрительных эпитетов, но дружелюбием тоже не отличались. Таким образом, с самых первых страниц «ШМ» мировые державы, среди которых был СССР, и их руководители представлялись неискренними, недемократичными, жестокими и не заслуживающими доверия. В то же время нельзя не отметить, как журнал словно знакомил свою аудиторию с будущими главными героями номеров, давая узнаваемые портреты и указывая имена и политические ориентиры. Тенденция включать Советскую Россию в число мировых держав, зачастую в негативном ключе, сохранялась до последних выпусков «ШМ».

Однако СССР порой оказывался и противопоставлен иным странам. Это прослеживается, например, в кратком упоминании возможной войны между Советским Союзом и нацистской Германией, причем инспирировала такую войну, по мнению журнала, Великобритания⁷. Другим примером является большая статья с карикатурами, переведенная в «ШМ» с французского оригинала из газеты «L'Intransigeant». В тексте и сопровождающих его иллюстрациях в сатирическом виде изображалась деятельность Максима Литвинова по вступлению СССР в Лигу Наций. Согласно французской публикации и ее китайскому переводу, советский наркоминдел причинил немало беспокойства сторонам, с которыми соприкасался, применяя «мораль в стиле советской хитрости»⁸. Едкие ремарки китайского журнала хорошо понятны с той точки зрения, что накануне принятия СССР в Лигу Наций Китаю было

отказано в продлении временного членства в Совете этой организации.

Еще более любопытно изображались отношения Советского Союза с Германией. Нацистский режим рассматривался как часть мировой системы, и СССР и Германия неоднократно появлялись бок о бок. Так, Сталин и Гитлер оказались частью «кошмара», приснившегося главе китайского правительства Ван Цзинвэю 汪精衛 (1883–1944); остальными участниками этого «кошмара» стали Мустафа Кемаль, Муссолини и Юзеф Пилсудский⁹. Те же Сталин и Гитлер в виде античных божеств безразлично и цинично обсуждали гражданскую войну в Испании на более поздней карикатуре¹⁰. К этой паре были добавлены Муссолини и очередной японский премьер-министр, Хирота Коки 廣田弘毅, так что в результате образовалась четверка «защитников мира и справедливости»¹¹. Наконец, именно нацизм и коммунизм изображались как идеологии, могущие захлестнуть всю планету¹². В журнале учтивалось, что советско-германские отношения были весьма напряженными, но наиболее существенный и важный элемент в общей панораме этих отношений отразился в фотоколлаже, который одновременно стал и последним упоминанием Советской России в «ШМ»¹³. Вест о взятии войсками Франко города Бильбао в Испании стала поводом для публикации фотографии маленькой девочки, сидящей на фоне рисованного завода, с которого снимаются серп и молот, а на их место приходят фации и свастика. Рядом с ребенком лежат кости, черепа и снаряды, а общий смысл коллажа может быть прочтен как намек на смертоносность любых тоталитарных идеологий, которые приносят лишь войну и смерть¹⁴.

Двусторонние отношения Китая и СССР почти не упоминались в «ШМ». Были опубликованы лишь две краткие заметки, касавшиеся подписания губернатором Синьцзяна Цзинь Шужэнем 金樹仁 (1879–1941) самостоятельного торгового соглашения между Синьцзяном и СССР без ведома Национального правительства Китайской Республики¹⁵, и один рисунок, изображавший в аллегорической форме отчуждение Монголии Советским Союзом и Маньчжурии Японией¹⁶.

Внутренние дела СССР привлекли меньше внимания «ШМ», чем внешнеполитические: на эту тему было отмечено 14 заметок и зарисовок, что в два раза меньше, чем материалов о международной деятельности Москвы. Здесь необходимо оговориться, что в ряде случаев сложно отделать внутригосударственные сюжеты от внешнеполитических: так, в уже описанной карикатуре на мировых вождей была отсылка к методам и целям советского правительства, борьбе ГПУ с контрреволюцией¹⁷. Развивая тему идеологического могущества государства, в одном из более поздних выпусков редакция журнала опубликовала таблицу, в которой сопоставлялись метафо-

рические «головы в разрезе». Головы принадлежали китайцу, японцу и советскому гражданину. По мере взросления и старения голова китайца становилась все меньше, а его интересы эволюционировали от кино, девушек и денег к культу предков и собственному захоронению (такая узость и консервативность мышления соотечественников, несомненно, была основным объектом критики всей карикатуры). В отличие от китайца, советский и японский мужчины становились все более увлечены вопросами мирового господства. Ключевое различие между ними и китайцем, по мнению автора карикатуры, закладывалось в возрасте 6–20 лет: пока китайский подросток читал комиксы, японец изучал науки и военное дело, а житель СССР – науки и идеологию¹⁸. Похожие опасения по отношению к советскому и японскому подходу к воспитанию молодежи в духе милитаризации и индоктринации можно заметить и на двух фотографиях, опубликованных годом раньше. На одном кадре изображены юные японцы, сидящие со штыками в руках возле государственного флага, а на втором их советские сверстники маршируют с оружием за плечами; и те и другие запечатлены в касках и военной форме¹⁹.

Напротив, достижения советской промышленности и сельского хозяйства вызвали одобрительную реакцию, подтекстом которой вновь была самокритика: журналистов не покидала мысль о безуспешности попыток вывести Китай из экономического упадка. В новостной сводке одного из выпусков приведена такая фраза: в СССР «используются самолеты и химикаты, чтобы создать дождь и туман», тогда как в Китае люди по-прежнему «обращаются к Небесному владыке, чтобы помолиться о ниспослании дождя»²⁰. Сопоставление этих двух «методов» обеспечения урожая должно было вызвать горькую усмешку у читателя: во-первых, в описываемое время природные бедствия, военные конфликты и экономическая нестабильность часто приводили к массовому голоду во многих районах Китая. Во-вторых, китайское общество первой половины XX века проходило через серьезный пересмотр собственных традиций, и суеверное обращение к «Небесному владыке» использовалось автором заметки в саркастическом тоне.

Другим примером, когда советская практика приводилась в пример Китаю, является анализ зарубежных карикатур, публиковавшийся в «ШМ» уже без сатирического подтекста. Репортеры журнала сообщали, что карикатура и иные виды рисованных плакатов использовались в СССР для обсуждения социальных вопросов²¹, а также для пропаганды политических решений правительства²². В заметках на эту тему сотрудники «ШМ» рассуждали не только о советской практике, но и о карикатуре и иных сатирических формах в Европе, Америке и Японии. Кроме того, в журнале иногда воспроизводились рисун-

ки иностранных художников; из советской прессы были перепечатаны три работы Б. Ефимова²³. В этих случаях советская практика выступала если не в качестве идеала, то как один из возможных примеров для самого Китая.

Однако надо отметить, что повседневная жизнь в России виделась сотрудниками «ШМ» не слишком комфортной. Описание быта советского города было приведено в путевых заметках китайского дипломата Лю Юйвана 劉馥萬 (1897–1966), частично опубликованных в журнале:

Когда я был в Москве, я курил только табак дурного качества, и хорошего вина тоже не имел, это было не просто, потому что у них не продаются товары других государств. В Москве и привлекательных женщин мало, они вечно одеты в грубую одежду и не идут ни в какое сравнение с американками, да и с шанхайскими дамами высшего класса тоже несопоставимы, но у них полное самообеспечение, это возрождающаяся страна²⁴.

Этот фрагмент помещен среди «цитат знаменитостей», но общий ироничный тон всего раздела и поверхностность наблюдений в приведенной заметке заставляют усомниться, что в данном контексте похвала «возрождающемуся» СССР смотрелась искренней. Больше непосредственных описаний советской повседневности в журнале замечено не было, хотя, конечно, в других газетах и журналах периодически публиковались фотографии и заметки о жизни в России. Тем не менее можно сказать, что внутривосточная обстановка в СССР едва ли рассматривалась сотрудниками «ШМ» как положительный пример для Китая, а деятельность советских дипломатов вызывала скорее опасения, чем уверенность в партнерских отношениях России и Китая.

Иначе выглядела сфера культуры и искусства. Всего в журнале насчитывается не менее 18 публикаций, связанных со своего рода «культурным обменом» между СССР и Китаем: гастролями, литературной критикой, перепечаткой карикатур и пр. Как уже говорилось, «ШМ» воспроизвел на своих страницах три работы Б. Ефимова, причем если две из них имели отношение к маньчжурскому вопросу и потому представляли естественный интерес для китайских читателей, то третья высмеивала действия Германа Геринга, что не имело прямого отношения к событиям на Дальнем Востоке. Иначе говоря, советские карикатуры были оценены не только как выражение поддержки Китаю (такую поддержку, судя по публикациям «ШМ», китайская аудитория не слишком ощущала), но и как самостоятельные произведения, заслуживающие репродукции наряду с карикатурами других иностранных журналов – «Панч», «Токио Пак» и др. Выше уже было упомянуто появление Л. Толстого и Ф. Достоевского среди всемирно известных творцов (эта публикация воспроизводила изображения знаменитостей, помещенных на стенах кафе при

испанской газете «El Sol»)²⁵. В другом выпуске «ШМ» в слегка насмешливой манере намекнул на сходство – как внешнее, так и творческое – между Максимом Горьким и китайским левым писателем Лу Сунем 魯迅 (1881–1936) в серии рисунков на смерть последнего²⁶.

Помимо этого, «ШМ» сообщал о гастролях китайских знаменитостей в СССР и о приеме, который устраивали им советские зрители и критики. В марте – апреле 1935 года один из известнейших исполнителей пекинской оперы Мэй Ланьфан 梅蘭芳 (1894–1961) приехал с труппой в Москву и Ленинград; отклик на его выступление был положительным, в советских газетах появилось несколько сообщений, фотографий и отзывов (только в «Известиях» за дни гастролей было напечатано не менее семи заметок о труппе и Мэй Ланьфане). Из всех этих материалов редакция «ШМ» обратила внимание лишь на отзыв Карла Радека. В своей статье, напечатанной в «Известиях» 23 марта 1935 года, Радек оценил выступление Мэй Ланьфана не столько с искусствоведческой, сколько с идеологической точки зрения. Отдав должное талантам артиста, который «захватывает зрителя, своим волшебным искусством создавая образы, вполне живые и убедительные», Радек все же не преминул назвать и пекинскую оперу, и спектакль Мэя «чуж[ими] не только нашей жизни, но и жизни трудовых китайских масс»²⁷. Разумеется, такая оценка традиционного искусства вызвала недоумение китайского журнала. Автор под псевдонимом Аймэй 愛隸 был шокирован самой идеей, что пекинская опера должна стать ближе к трудящимся массам²⁸. Симптоматично в этом не только неудовольствие китайского журнала критикой Радека, но и готовность прокомментировать именно эту рецензию, а не многие другие, более благожелательные заметки в советской прессе – напечатанные в том числе и на той же полосе «Известий»²⁹. Такие детали, безусловно, накладывали некоторый оттенок на формирование представлений друг о друге в китайском и советском обществах и, косвенно, на атмосферу в межгосударственных отношениях.

В отличие от Советской России, которая для большинства читателей журнала оставалась далекой и поэтому представлялась опосредованно, русское население Шанхая было знакомо в той или иной степени всем горожанам. Белоэмигранты в «ШМ» играли разнообразные роли: в крайне редких случаях речь шла об истории успеха, но чаще беженцы вызывали сострадание или презрение. К первому типу сюжетов можно с уверенностью отнести только упоминание работ белоэмигрантского карикатуриста Георгия Сапожникова (1893–1949) для шанхайской газеты «North China Daily News», которым в «ШМ» была высказана похвала³⁰. Ко второму типу материалов относятся истории «бывших»

генералов и дворян, которые пытались работать, сохраняя свое достоинство, но выглядели смешными и несчастными. Белоэмигранты появились в первом же выпуске журнала: среди фотографий иностранных магазинов в Шанхае хорошо видна витрина с анонсом «рождественской выставки» «женских рукоделий и изящных работ» на русском в дореволюционной орфографии и английском языках³¹. Здесь, как и в ряде других публикаций, русские представлены людьми, готовыми заниматься предпринимательством, зарабатывать себе на жизнь и не сдаваться, лишившись отчизны. При всем том заголовок этой серии фотографий – «Иностранные магазины в Шанхае приглашают нас!» – содержит насмешку над тем, что ни в одной из запечатленных витрин нет вывесок по-китайски. Иными словами, эта фотозаметка, как и многие из уже обсуждавшихся материалов, касалась в первую очередь положения китайцев в собственной стране и содержала не только критику заносчивых иностранцев, но и самокритику.

В более поздних выпусках «ШМ» журналисты обратили внимание на отличие русских от других иностранцев в Китае. Белоэмигранты не имели за своей спиной военных судов и государственной поддержки, они не обладали правами экстерриториальности³² и поэтому должны были со вниманием относиться к своим китайским клиентам. Отсюда вытекало сочувствие, которое вызывали «вечные изгнанники»³³. Женщины вынуждены были «флиртовать» на улице Сяфэй³⁴, мужчины делали вид, что им «всё нипочем»³⁵, хотя они и пали из княжеских сыновей до полицейских³⁶. В журнале отмечалось, что в некоторых районах Шанхая больше половины людей на улице русские, а из них больше половины – женщины, а также что приспособиться к местным условиям жизни беженцам удавалось плохо³⁷.

Сострадание и сочувствие к «изгнанникам» сменялось презрением на грани с враждебностью, когда белоэмигранты казались слишком надменными. Оксюморон «высокородные нищие»³⁸ многое говорит о степени неприятия китайскими журналистами и, вероятно, их читателями манер русских поселенцев. Противоречие между сомнением эмигрантов и восприятием непрошенных гостей коренным населением усматривается и в кратком описании русского ресторана, появившемся в заметке о китайце, который стремился любой ценой «сохранить лицо»:

В третьесортном русском ресторане можно еще увидеть так называемых поэтичных русских попрошаек, поэтичные залы, поэтичный томатный суп, поэтичный черствый хлеб, а дым от низкосортных сигар добавляет еще больше поэтичности³⁹.

Конечно, в этой заметке, как и в большинстве других с упоминанием русских эмигрантов, нельзя усмотреть явной ксенофобии: русские не изображались в виде преступников и вредных

элементов. Однако и теплоты к ним в журнале выказывалось не больше, чем к прочим беженцам военного времени, хотя в Шанхае русские вынуждены были жить долго и успели создать там целый ряд культурных обществ, развлекательных заведений и памятников архитектуры [1: 449–488]. Важно, что даже на терминологическом уровне белоэмигранты не связывались с Советским Союзом, так что восприятие этих двух общностей было разделено полностью.

Интерес, с которым «ШМ» следил за происходящим в СССР и вокруг него, подтверждается и количеством публикаций, и их размещением на заметных листах журнала, в том числе на обложках или рядом с ними. Россия постоянно присутствовала не только в официальной новостной хронике (например, газетах «Чжунъян жибао» 中央日報 и «Шэньбао» 申報), но и в развлекательных изданиях. В некоторых текстах «ШМ» можно отметить хвалебную интонацию в адрес достижений советской индустриализации и военных технологий, но на такие сообщения накладывается оттенок сожаления, что Китай существенно отстает и от СССР, и от других держав. С этим связано и то, что общий тон текстовых и визуальных упоминаний Советского Союза в «ШМ» в большей степени либо умеренно холоден, либо откровенно неодобрителен. Наибольшее отторжение вызывала дипломатическая деятельность СССР – в частности, журнал расценивал вступление России в Лигу Наций негативно, а заявления Москвы о необходимости всеобщего разоружения воспринимались в «ШМ» как двуличные попытки укрепить позиции советской армии. Кроме того, можно заметить и саркастические комментарии по поводу методов внутренней политики Сталина: их недемократичность, вероятно, вызывала ассоциации и с жесткостью собственных китайских властей, которые активно боролись против коммунистических и иных оппозиционных сил внутри страны.

Китайско-советские отношения почти не упоминались в журнале, но те скромные отсылки к ним, которые все же были опубликованы, показывают, что советские интересы в Синьцзяне и Монголии рассматривались с не меньшей тревогой, чем покушения Японии на Северный Китай после отторжения Маньчжурии.

Культурная жизнь СССР пробуждала более теплые чувства, но если к ней слишком явно примешивались идеология и политика, то в «ШМ» это также вызывало отторжение. Вместе с тем заслуживает внимания, что советское творчество зачастую появлялось в журнале в одном ряду с западным – французским, британским, американским – то есть СССР не отделялся от «капиталистических» государств. Та же тенденция прослеживается и в сюжетах из сферы международных отношений.

Жизнь белоэмигрантов выглядела совершенно не связанной с Советской Россией, более того, подчеркивалось отсутствие у них родины и их «вечное изгнание». В этих сюжетах тон журнала становился совсем иным, варьируясь между снисхождением и насмешкой. Любопытно, что если в советской прессе 1930-х годов деятельность белогвардейцев на Дальнем Востоке часто называли инспирируемой и координируемой Японией и Маньчжоу-го, то в «ШМ» ни одного намека на подобное сотрудничество сделано не было, хотя за событиями в Маньчжурии и в Северном Китае журналисты следили пристально.

Из многообразия упомянутых материалов вырастает картина того, как часть китайского общества – журналисты-сотрудники «ШМ» и, предположительно, часть их читателей – рассматривала «русское» и «советское» в середине 1930-х годов. Очевидно, что китайское

общество интересовалось в основном именно проблемами собственного государства, видя в мировых державах потенциальных противников или союзников, примеры для подражания или предостережение. По этой причине во многих публикациях «ШМ» речь прямо или косвенно идет о внутренней политике Национального правительства Китайской Республики. Важно, что СССР чаще воспринимался не как надежный союзник или образец, а как опасный сосед, а его политические и дипломатические решения – как угроза и предостережение Китаю. Кроме того, в ряде случаев журнал укорял СССР и другие государства за стремление воспользоваться слабостью Китая в своих интересах и за недостаточную поддержку в конфликте с Японией. В этом смысле СССР выглядел в журнале ничуть не более выигрышно, чем прочие «империалисты».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-21-49001-ОГН («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гэ Баоцюань 戈寶權. Линхунь чжи соцзай дэ кафэйши 靈魂之所在的咖啡室 [Кофейня, где живут души] // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 3–4.
- ² Юньте 韻鐵. Макэ Тувэнь дэ юмо 馬克吐溫的幽默 [Юмор Марка Твена] // ШМ. 1935. № 15 (март). С. 32–33.
- ³ Гэ Баоцюань, Лу Шаофэй 魯少飛. Б.н. // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 5.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Чжан Э 張謇. Сюньсюнь шанью 循循善誘 [Постепенное обучение] // ШМ. 1935. № 15 (март). С. 6.
- ⁸ Чжан Жогу 張若谷. Маньхуаця яньгуан чжун чжи Ливэйнофу 漫畫家眼光中之李維諾夫 [Литвинов глазами карикатуриста] // ШМ. 1935. № 16 (апрель). С. 3; Kelen E. Litvinoff. Vu par le caricaturist // L'Intransigeant. 17.09.1934. P. 1–2.
- ⁹ Б.а. Шэньмэ, во хуэй шоу вэйсе? Яо буши цзай цзомэн ба? 什麼, 我會受威脅? 要不是在做夢吧? [Что, я в опасности? Что, если это не сон?] // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 6.
- ¹⁰ Ван Цзымэй 汪子美. Цзиньдай шэньхуа 近代神話 [Легенды современности] // ШМ. 1936. № 31 (октябрь). С. 5–6.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Хуан Байбо 黃白波. Цзо юй ю 左與右 [Левое и правое] // ШМ. 1937. № 36 (март). С. 6.
- ¹³ Ван Цзымэй. Б.н. // ШМ. 1937. № 39 (июнь). С. 13.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Б.а. Б.н. // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 2; Учан 無常. Во дэ цзагань 我的雜感 [Мои размышления] // ШМ. 1935. № 23 (ноябрь). С. 7.
- ¹⁶ Чэнь Хао-сюн 陳浩雄. Совэй лянци сяньму чжэ ши е 所謂良妻賢母者是也 [Так называемая славная жена, добродетельная мать] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 6.
- ¹⁷ Гэ Баоцюань, Лу Шаофэй. Б.н. // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 5.
- ¹⁸ Вэй Чэньин 魏沉影. Нао дэ цзепуоу цзи бицзяо 腦的解剖及比較 [Головы в разрезе, сравнение] // ШМ. 1935. № 21 (сентябрь). С. 8.
- ¹⁹ Б.а. Жэнь чжи чу 人之初 [Человек от рождения] // ШМ. 1934. № 11 (ноябрь). С. 5.
- ²⁰ Б.а. Б.н. // ШМ. 1934. № 9 (сентябрь). С. 2.
- ²¹ Ван Дуньцин 王敦慶. Маньхуа дэ лэйбе 漫畫的類別 [Разновидности карикатур] // ШМ. 1935. № 21 (сентябрь). С. 36.
- ²² Окамото Иппэй 岡本一平, Лань Вэйбан 藍蔚邦 (пер.). Маньхуа дэ ли 漫畫的力 [Сила карикатуры] // ШМ. 1935. № 16 (апрель). С. 38; Ван Дуньцин. Маньхуа дэ сюаньчунань син 漫畫的宣傳性 [Пропагандистская природа карикатуры] // ШМ. 1935. № 17 (май). С. 35–36.
- ²³ Б.а. [Ефимов Б.]. Гэлинь цзянцзюнь цзи ци Болин минью дэ синь фуцзэнь 戈林將軍及其柏林名優的新夫人 [Генерал Геринг и его новая жена, прославленная в Берлине] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 5; Б.а. [Ефимов Б.]. Сифа жэньжэнь хуэй бянь, гэ ю цяомяо бутун 戲法人人會變, 各有巧妙不同 [У всякого фокусника свои трюки] // ШМ. 1936. № 25 (январь). С. 9; Б.а. [Ефимов Б.]. Хуэй ци минцзе цзе ци сайу 毀其名節劫其財務 [Уничтожил ее репутацию, украл ее имущество] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 5.
- ²⁴ Люйчжэнь 履箴 [Ван Дуньцин]. Минъянь синьшоу чао 名言信手鈔 [Случайная подборка знаменитых цитат] // ШМ. 1936. № 33 (декабрь). С. 5.
- ²⁵ Гэ Баоцюань. Линхунь чжи соцзай дэ кафэйши // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 3–4.
- ²⁶ Ван Цзымэй. Лу Сюнь фэньдоу хуа чжуань 魯迅奮鬥畫傳 [История борьбы Лу Сюня в картинках] // ШМ. 1936. № 32 (ноябрь). С. 34.
- ²⁷ Радек К. Старый Китай говорит о новом // Известия. 23.03.1935. № 71 (5624). С. 4.
- ²⁸ Аймэй 愛羈. Б.н. // ШМ. 1935. № 16 (апрель). С. 2.
- ²⁹ Б.а. На общественном просмотре китайского театра // Известия. 23.03.1935. № 71 (5624). С. 4.

- ³⁰ Чэнь Цзиншэн 陳靜生. Маньхуа и си тань漫畫一夕談 [Вечерний разговор о карикатуре] // ШМ. 1934. № 11 (ноябрь). С. 37.
- ³¹ У Шицзи 吳實基. Цай Шанхай дэ вайго дьян хуаньин чжэ вомэнь нэ! 在上海的外國店歡迎著我們呢! [Иностранные магазины в Шанхае приглашают нас!] // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 6.
- ³² Хуацзы 華子. Сяфэй лу шан дэ Flirtation 霞飛路上的Flirtation [Flirtation на улице Сяфэй] // ШМ. 1934. № 7 (июль). С. 20.
- ³³ Шэнь Ицянь 沈逸千. Юньюань дэ люван чжэ 永遠的流亡者 [Вечные изгнанники] // ШМ. 1935. № 21 (сентябрь). С. 15.
- ³⁴ Хуацзы. Сяфэй лу шан дэ Flirtation // ШМ. 1934. № 7 (июль). С. 20.
- ³⁵ Лошань 羅珊. Allegretto // ШМ. 1935. № 13 (январь). С. 23.
- ³⁶ Оу Луло 歐露羅. «Ча пайсы» цзи 《查派司》記 [Записки о «проверке паспорта»] // ШМ. 1935. № 19 (июль). С. 36.
- ³⁷ Хуацзы. Сяфэй лу шан дэ Flirtation // ШМ. 1934. № 7 (июль). С. 20; Учан. Эжэнь далиши 俄人大力士 [Русский силач] // ШМ. 1934. № 12 (декабрь). С. 7.
- ³⁸ Пяобо-ван 漂泊王. «Уцюн» дэ сиван “無窮”的希望 [Надежда на «неисчерпаемость»] // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 8.
- ³⁹ Чжуцин 竹青. Сы яо мянцзы 死要面子 [Сохранить лицо любой ценой] // ШМ. 1936. № 27 (июнь). С. 39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйцин, Бэй Вэньли, Л. П. Черниковой; Предисл. Л. П. Черниковой. М.: Русский путь, 2008. 576 с.
2. Цыкалов Д. Е. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX – начала XX века // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 105–124.
3. Bevan P. A modern miscellany: Shanghai cartoon artists, Shao Xunmei's circle and the travels of Jack Chen, 1926–1938. Leiden: Brill, 2016. 387 p.
4. Crespi J. A. China's Modern Sketch-1: The Golden Era of Cartoon Art, 1934–1937 // MIT Visualizing Cultures. 2011. Available at: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/modern_sketch/ (accessed 22.08.2018).
5. Lent J. A., Xu Y. in g. Comics art in China. Jackson: University Press of Mississippi, 2017. 234 p.

Guleva M. A., St. Petersburg State University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russian Federation)

RUSSIAN AND SOVIET AS DEPICTED IN SHANGHAI *SHIDAI MANHUA*
ILLUSTRATED MAGAZINE (1934–1937)*

The article deals with the image of the USSR and the Russians in one of the most famous illustrated magazines of the Republic of China, *Shidai Manhua*. Clichés and stereotypes existing in Chinese society towards the neighbouring country and its people during the complicated period in bilateral relations before World War II were a response to the events in the USSR itself, in the world and in China. *Shidai Manhua's* publications show which actions undertaken by the Soviet government were seen as exemplary and which ones were perceived as menacing. It is essential that in the 1920s and the 1930s, some Chinese cities became the refuges for emigrants fleeing the 1917 revolutions, with these emigrants also appearing in *Shidai Manhua*. This creates a juxtaposition between the image of Soviet Russia and those Russians who had to leave it. The analysis of the magazine materials shows that the USSR often seemed to be a dangerous neighbour rather than a reliable ally, while the life of Soviet citizens appeared murky and was not associated with the lifestyle of Russian refugees in Chinese cities.

Key words: USSR, Republic of China, Shidai Manhua, caricature, manhua, Sino-Soviet relations, Russian emigrants

* This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFR) as part of the research project No 17-21-49001 “Chinese perceptions of Russia and the West during the 20th century: changes, continuities and contingencies”.

REFERENCES

1. Wang Zhicheng. History of Russian emigration in Shanghai. Moscow, 2008. 576 p. (In Russ.)
2. Tsikalov D. E. “Russian bear” in European cartoons during the second half of the 19th and the early 20th centuries. “Russian bear”: history, semiotics, politics. (O. V. Ryabov, A. de Lazari, Eds.). Moscow, 2012. P. 105–124. (In Russ.)
3. Bevan P. A modern miscellany: Shanghai cartoon artists, Shao Xunmei's circle and the travels of Jack Chen, 1926–1938. Leiden, Brill, 2016. 387 p.
4. Crespi J. A. China's Modern Sketch-1: The Golden Era of Cartoon Art, 1934–1937 // MIT Visualizing Cultures. 2011. Available at: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/modern_sketch/ (accessed 22.08.2018).
5. Lent J. A., Xu Y. in g. Comics art in China. Jackson, University Press of Mississippi, 2017. 234 p.

Поступила в редакцию 24.08.2018